

На вопросы редакции журнала «Закон» отвечает доцент кафедры международного права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук, эксперт по санкционному праву и комплаенсу **Сергей Викторович ГЛАНДИН**.

НАЧНЕТСЯ ВОЙНА КОНФИСКАЦИЙ, И ПОД УГРОЗУ БУДЕТ ПОСТАВЛЕНА СТАБИЛЬНОСТЬ ДЕЛОВОГО ОБОРОТА ВО МНОГИХ СТРАНАХ

Практикующий адвокат и доцент кафедры международного права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. В настоящее время на бакалавриате ведет два спецкурса по санкционному праву — «Ограничительные меры и санкции в праве международной ответственности» и «Исключение из санкционных списков в международных и национальных

судах», а в магистратуре — курс «Экономические санкции и комплаенс».

Консультирует частных клиентов по вопросам минимизации рисков попадания под санкции, а корпоративных клиентов — по широкому спектру вопросов, в том числе как продолжать бизнес в условиях западных санкций.

— Какие виды санкций на сегодняшний день наложены на Россию? Мы рекордсмены уже по этой части?

— Да, по состоянию на 17 мая 2022 года Россия вдвое обогнала Иран по количеству санкций. Речь идет уже не столько о санкциях и их количестве, сколько о таком термине санкционного права, как блокада, или изоляция. Хотя не все согласны с этим. Что-то среднее у нас сейчас формируется, но до окончательного формирования блокады еще очень далеко. Санкции бывают персональными, секторальными и еще есть огромное количество разных запретов по части экспортного контроля, ограничений на импорт и экспорт.

— Известно ли точное количество санкций? Их вообще можно посчитать?

— Как юристы мы исследуем нормативно-правовые акты. Санкции вводятся, как правило, индивидуальными ненормативными актами. Вот их можно посчитать. Но в одном акте бывает несколько приложений, которыми отдельно могут вводиться персональные санкции в отношении физических лиц, юридических лиц и секторальные. Нет методологии подсчета точного количества санкций — например, сколько конкретно видов ограничений введено одним нормативным актом, содержащим номенклатуру из 700 позиций, которые частично ограничивают экспорт, импорт, предусматривают дополнительные таможенные сборы и т.п. Да, можно посчитать количество подсанкционных лиц, количество нормативных актов. Можно санкции считать по пакетам. Например, шестой пакет санкций долго не могли согласовать из-за вето Венгрии, ведь такое решение в Европейском союзе должно быть принято единогласно.

— Наши контрсанкции как-то сопоставимы с санкциями?

— Стоит начать с природы санкций. Это ограничительные меры принудительного характера, ограничивающие лицо в праве или осуществлении определенной свободы, которыми лицо воспользовалось бы. Они бывают трех основных видов. Первый включает запрет на въезд, транзит для физических лиц, когда визу не выдают или отзывают. Второй — заморозка активов. Юридически это просто арест, когда лицо продолжает быть собственником и владельцем,

но не может распорядиться определенным активом, пока сам находится под санкциями. Третий классический вид ограничений — запрет своим собственным подконтрольным субъектам вступать в отношения или продолжать правоотношения с лицами, попавшими в черный список. Санкции по своей сути финансово-экономические меры. И чтобы понимать, эффективны они или нет, надо отталкиваться от размера экономики определенного государства или субъекта международного права. Такой же подход оценки эффективности можно применять и в отношении контрсанкций.

Экономика США составляет 24% от мирового ВВП, Британии — 3,5%, ЕС — 17%. Если добавить еще Японию, то вместе это уже более 50% мирового ВВП. Экономика России, согласно открытым данным, составляет 1,7% от мирового ВВП. Мы экономически несравнимы. США — это архитектор мировой финансово-экономической системы. Они следят за соблюдением своего законодательства о санкциях ровно так же, как за соблюдением налогового и иного федерального законодательства.

Мы как государство не можем не ответить. Поначалу ответы ограничивались утверждением черных списков лиц, причем в отношении некоторых лиц эти списки публиковались, а в отношении других нет. В части экономических ограничений было принято постановление № 1300 2018 года¹, которым введен список украинских физических и юридических лиц, чьи активы на территории России должны быть заблокированы, а банкам запрещено этим лицам оказывать любое содействие по выводу активов с территории нашей страны. Этот список включает более 600 наименований. Ранее был принят «закон Димы Яковлева»² в конце 2012 года в ответ на принятие в США в декабре того же года «закона Магнитского», который создал инструментарий для введения персональных санкций против тех российских чиновников, правоохранителей, судей, сотрудников ФСИН, которые, по мнению американских властей, ответственны за смерть юриста Сергея Маг-

¹ Постановление Правительства РФ от 01.11.2018 № 1300 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 22 октября 2018 г. № 592» (с изм. и доп.).

² Федеральный закон от 28.12.2012 № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации».

нитского. На основании российского закона 2012 года также был составлен список американцев, которым запретили въезд в Россию и чьи активы заморозили. 3 мая 2022 года был подписан Указ Президента РФ о применении специальных экономических мер или санкций в отношении компаний и лиц из недружественных государств. На сегодняшний день определено 48 таких государств. 11 мая мы увидели первый список, включающий 31 юридическое лицо. В основном это иностранные компании группы «Газпром», национализированные Польшей, Германией. Российские компании должны прекратить любые правоотношения с компаниями из этого списка, заморозить на своих счетах все средства, которые они им должны. Центральный банк России лишил другие российские банки возможности осуществлять платежи в пользу или от имени этих компаний. Президент своим указом установил десятидневный срок для составления списка таких лиц, но, я думаю, будут еще списки, которые утвердит Правительство РФ и в которые попадут высшие должностные лица недружественных государств.

— А есть такие санкции, которые раньше не применяли, а в отношении России применили?

— Есть. Это блокирующие персональные санкции в отношении главы государства, которое при этом является членом Совета Безопасности ООН и крупнейшей ядерной державой. Россию нельзя сравнивать ни по масштабу, ни по статусу ни с КНДР, ни с Ираном.

До этого не было санкций против журналистов. При этом если в Великобритании их включают в список как журналистов, то Евросоюз их называет пропагандистами, центральными фигурами правительственной пропаганды — это официальные термины из обоснования санкций. Аналогичные санкции начали вводить США, несмотря на Первую поправку Конституции США о свободе слова. То есть раньше журналисты были вне политики, вне санкций. Теперь санкции применяются и к традиционным, и к интернет-СМИ.

До проведения специальной военной операции Евросоюз никогда не включал в свой санкционный список собственных граждан. Резидентов включал, но граждан Евросоюза никогда. Теперь под санкциями Роман Ротенберг, Геннадий Тимченко — граждане Финляндии, Петр Авен — гражданин Латвии.

Раньше блокировались активы, т.е. валюта или средства центральных банков, например в мае 1980 года активы Центробанка Ирана были заблокированы на территории США, блокировались активы центральных банков Венесуэлы, Ирака, Афганистана. Сейчас в отношении России заблокировали еще и суверенные долговые обязательства (инструменты суверенного долга). Раньше такое не практиковали. Также под санкции попал Фонд национального благосостояния. К Северной Корее и Ирану ничего подобного не применялось.

— Стоит ли вводить контрсанкции, если они явно неадекватны по силе воздействия самим санкциям?

— Вспомнил известную картинку времен Советского Союза, когда при строительстве трубопровода рабочие написали прямо на нем: «Труба вашим санкциям, господин Рейган». Советский Союз был мощной державой в военно-политическом смысле, но не в экономическом, поэтому он не использовал экономическое принуждение так, как его использовали крупные экономические державы. Когда СССР было необходимо решить какой-то политический вопрос, он использовал классические средства: дипломатию и, подтекстом, военную силу (хотя формально Устав ООН запрещает применять силу или угрозу силой), — но не экономическую блокаду. В Российской Федерации закон об автономных экономических санкциях появился только в конце 2006 года. В США такой закон существует с 1977 года, в Канаде — с 1992-го. Таким образом, у нас нет опыта применения экономического принуждения, да и культуры такой — тоже. Сейчас в силу событий мы семимильными шагами преодолеваем этот путь. Я думаю, все-таки надо было вводить контрсанкции, иначе как государство мы показываем свою слабость.

— С точки зрения законодательства иностранных государств, например Первой поправки к Конституции США, насколько законны вводимые санкции?

— Что представляют собой санкции как правовое явление? Ну, например, отец говорит сыну, чтобы он не водился с плохими ребятами с соседнего двора, и таким образом те ребята, не зная того, попадают под санкции этой семьи.

Или дочь просит у вас 10 000 рублей и отпустить ее на дискотеку до утра — а вы ей даете 2500 рублей и говорите, чтобы она в час ночи была дома. Вы таким образом ввели в отношении нее санкции: ограничились в свободе передвижения и праве на получение безвозмездной финансовой помощи в требуемом объеме. Точно так же санкции работают на уровне государства. Если органы власти определяют, что с конкретными компаниями, которые попали под санкции, вы теперь не имеете права продолжать правоотношения или вступать в правоотношения, то вы должны подчиниться. Всегда есть какой-то первичный нормативно-правовой акт, который создает инструментарий для введения этих адресных блокирующих секторальных санкций. Например, в Евросоюзе — договор о Европейском союзе и договор о его функционировании. На основании такого первичного акта компетентные органы власти вправе принимать соответствующие решения. Например, в США президент в силу закона 1977 года «Об экономических полномочиях на случай международной чрезвычайной ситуации» может определить, что где-то за рубежом сложилась какая-то чрезвычайная угроза одному из четырех объектов: граждане Соединенных Штатов, национальная безопасность, внешние отношения или экономика страны. Он объявляет о соответствующей угрозе и для борьбы с ее последствиями может предложить любые меры. Как показала практика после ноября 1979 года, когда было захвачено посольство США в Тегеране, самыми эффективными в борьбе с такими угрозами являются именно финансово-экономические блокирующие санкции. Президент США объявил о наличии угрозы, подписал указ, предложил санкции, а имплементирует, применяет решения о санкциях уже Министерство финансов США. Такие решения публикуются в федеральном реестре нормативно-правовых актов США. С момента публикации американцы должны как от прокаженных бежать от лиц, оказавшихся под санкциями. То же самое в Великобритании: в законе перечислен неисчерпывающий перечень санкций, например финансово блокирующие, транспортные, воздушные, морские, въездные. Правом на введение конкретных санкций наделены соответствующие отраслевые министры правительства Великобритании. Например, министр финансов может определить на основании закона регламент (*regulation*) введения финансовых санкций, который должен одобрить Парламент. По ситуации на Украине это регламент № 855 2019 года, где детально прописано, кто может попасть под санкции,

критерии для наложения санкций, как их снять и т.д. Министр финансов видит, что какой-то олигарх соответствует этим критериям, и публикует уведомление (*notice*) на своем сайте с указанием идентифицирующей информации и обоснования.

— То есть все оставлено на усмотрение министра? Можно ли оспорить такое решение в суде?

— Как раз в апрельском номере журнала была опубликована моя статья о деле Олега Дерипаски, который пытался снять санкции США и не смог из-за отсутствия у него прочной связи с юрисдикцией США, наложившей санкции. А если нет этой связи, то нельзя победить орган власти, так как применяется по умолчанию принцип благоприятного отношения к актам органов власти. И в ЕС, и в Великобритании, и в США действует специальный порядок оспаривания санкций. В Великобритании правовые основания для оспаривания перечислены там же, в 855-м регламенте. Есть еще отдельный регламент, который изменил правила гражданского судопроизводства, но пока нет сведений о случаях оспаривания в соответствии с этими новыми правилами.

— На каком основании можно было бы оспорить такое решение?

— На каждое лицо, которое хотят подвергнуть санкциям в ЕС, должно быть собрано огромное досье, и чем оно больше, тем лучше. При нехватке данных санкции не введут или их будет легко отменить через суд в рамках института защиты прав и свобод человека. Суд ЕС считает, что такой инструмент, как санкции, непосредственно влияющий на жизнь человека, должен применяться очень осторожно и аккуратно. Существует много кейсов, когда он снимал их, ссылаясь на Хартию о правах человека. Часто, когда оспаривают санкции, заявляют однотипные доводы, например «меня заранее не уведомили». Суд подобные доводы отвергает, так как суть санкций во внезапности. Другой частый довод — нарушение доступа к правосудию и объективному рассмотрению: под этим имеется в виду непредоставление доступа ко всем данным досье, в котором есть и секретная информация, полученная службой разведки или иным схожим образом. Этот довод тоже не работает, поскольку санкции — инструмент внешней политики и безопасности ЕС, в США — инструмент обеспече-

ния национальной безопасности, поэтому в данном случае интересы государства выше интересов человека. Также не работает и довод о нарушении прав собственности, так как лицо остается собственником. Иногда заявляют о злоупотреблении полномочиями со стороны Совета ЕС, но если процедура введения санкций соблюдена, то этот аргумент не принимается. Сработать могут иные доводы. В договоре о функционировании ЕС есть статья 296, которая требует от всех органов и учреждений ЕС мотивировать все свои решения крайне детально. И вот на основании второй части этой статьи отменяется наибольшее количество санкций. Великобритания при выходе из ЕС имплементировала в свой закон аналогичные положения. В Великобритании много юристов, которые собаку съели в таких делах. Юристы Великобритании занимали около 50% рынка представительства по категории дел о снятии санкций в Евросоюзе. Так сложилось, потому что именно британские юристы фирмы *Carter-Ruck* представляли в суде интересы саудовского миллионера Ясина Кади, который сумел первым снять санкции в 2008 году. Богатый опыт представительства по таким делам складывается у британских юристов и потому, что решения Великобритании о введении санкций наполняли 60% всего санкционного списка ЕС. Единственно, сейчас проблема в том, что Борис Джонсон угрожает применением санкций и мер к юристам, которые будут помогать российским олигархам.

В Великобритании и США есть такая особенность: суд не может вмешиваться в компетенцию исполнительной власти. Я нашел интересный прецедент 1917 года в США, когда Верховный суд установил, что если государственный департамент принял решение, кого считать правителем или сувереном определенного государства, то это решение связывает другие государственные органы, физических и юридических лиц. Похожий кейс был в Великобритании, когда при рассмотрении спорного вопроса о том, кого считать руководителем Венесуэлы — Гуайдо или Мадуро — и, соответственно, чьи решения признавать законными, суд указал, что правовое значение имеет исключительно позиция Министерства иностранных дел Великобритании, на которую и должен ориентироваться суд. При этом нормативные акты, изданные временным президентом Гуайдо, о назначении главы Центрального банка страны английским судам не разрешили проверять на законность. А вот решения судов

Венесуэлы, которые, в частности, признали незаконным акт о назначении временным президентом Гуайдо главы Центрального банка Венесуэлы, британские суды анализировать имели право. У нас в России нет такого института обязательности признания позиции исполнительных органов власти.

— Неужели в таком случае я как англичанин должен признать, скажем, Мадуро президентом Венесуэлы, если я, например, считаю по-другому?

— Вы можете считать кого угодно президентом, но если вы своими действиями пойдете против официальной позиции, то могут последовать меры ответственности.

— Получается, у нас больше либерализма в этом отношении?

— Наша санкционная политика и правоприменение находятся в начале своего развития. Так, у нас до сих пор отсутствует закон, который установил бы ответственность за нарушение санкционного режима. Например, Россия в свое время присоединилась к санкциям в отношении Северной Кореи. Когда во Владивостоке поймали гражданина этой страны с валютой, ему вменили только контрабанду, тогда как в Америке ему вменили бы нарушение закона 1977 года, а только потом мошенничество и контрабанду. Или история с северокорейским судном, которое зашло в территориальные воды России и хотело незаконно вывезти товар, — у нас ему тоже вменили только контрабанду, но не нарушение режима санкций. В прошлом году был случай, когда возбудили дело о контрабанде по факту незаконной поставки нефти в украинский порт Южный якобы для Беларуси, хотя по документам нефть предназначалась к поставке в Италию. В данном случае по факту речь должна идти о нарушении специальных экономических мер против Украины, но дело опять же возбудили по контрабанде. Не работает у нас ответственность за нарушение санкций.

— Хочется обсудить вопрос о незыблемости права собственности. Не кажется ли Вам, что при введении санкций по заморозке активов заявления о том, что право собственности сохраняется, в некоторой степени лицемерны? Слышны также призывы конфисковать средства Российской Федерации

и направить их в качестве репарации Украине. Есть ли правовые основания для принятия таких мер?

— 18 мая 2022 года во время своего выступления американский министр финансов официально заявила, что на сегодня в законодательстве США нет правового механизма для конфискации этих денег, так же как его нет в ЕС и Великобритании. В США и в Канаде уже внесены законопроекты, по которым в случае их принятия будет создан инструментарий для обращения в пользу государства США этих активов по суду, при этом Российской Федерации предоставят определенные процессуальные права. Сейчас на Западе идет общественная дискуссия, поскольку для Запада право собственности незыблемо, а если эти законопроекты будут приняты, то такие меры могут разрушить этот фундамент, и там боятся, что другие государства ответят им тем же. Еще больше проблема в Евросоюзе, где действуют три учредительных договора: договор о ЕС, о функционировании ЕС и Хартия ЕС об основных правах, статья 17 которой называется «Право собственности», где закреплена незыблемость этого права. Предусмотрены только два условия, при одновременном соблюдении которых можно изъять собственность: когда назрели общественные нужды и по-другому их не удовлетворить, кроме как изъять собственность, и при этом должна быть предоставлена справедливая соразмерная компенсация. На практике вставал вопрос в отношении возможного субъекта обжалования санкций. Но в июне 2021 года Суд ЕС на уровне апелляционной инстанции при рассмотрении заявления Венесуэлы постановил, что если применяются санкции, то государство может выступать истцом. Хотя в статье 263 Договора о функционировании ЕС сказано, что только физическое и юридическое лицо может оспаривать нормативные акты об ограничительных мерах. При этом национальное законодательство стран ЕС не может противоречить Хартии. Допустим, парламент Германии внесет изменение в законодательство о возможности конфискации средств, принадлежащих Российской Федерации, в связи с необходимостью помочь Украине. На основании этого немецкого законодательства соответствующий орган уполномочит государственный орган подать в суд иск о конфискации к Российской Федерации. Далее это работать будет так: иск будет принят к рассмотрению, Россия пришлет Генпрокуратуру, которая представляет Россию в международных

и зарубежных судах, и сошлется на статью 17 Хартии ЕС об основных правах. Когда же возникает вопрос о применении европейского права в национальном суде государства — члена ЕС, то дело передается в Люксембург в Суд Европейского союза (статья 267 Договора о функционировании ЕС) для решения вопроса о применении Хартии. И в итоге все упрется в эту самую статью 17. В преюдициальном порядке Суд ЕС вернет свое заключение в немецкий суд, где будет написано, что по крайней мере не соблюдается условие о выплате собственнику при конфискации соразмерной справедливой компенсации. Либо ЕС сейчас еще и Хартию придется менять под Украину, на что они вряд ли пойдут.

— То есть в ЕС возможность принятия таких мер и законов для их реализации маловероятна?

— Есть, конечно, вероятность, но ЕС — это максимально бюрократизированная структура. Они долгое время не могли ввести шестой пакет санкций. И понимают, как и американцы, что если сейчас начнут менять свое законодательство в целях возможности изъятия собственности России, то другие государства примут зеркальные меры. Начнется война конфискаций, и под угрозой будет поставлена стабильность делового оборота во многих странах.

Для оценки возможной вероятности принятия того или иного законопроекта в США функционирует сайт *govtrack.us* — что-то вроде общественной экспертизы законопроектов. После внесения проекта через пару недель на сайте можно увидеть процент прогноза принятия. Если он 40 и выше, то, значит, законопроект с большой долей вероятности будет принят. За последние 4 года в США только ленивый не вносил законопроекты против России. Я наблюдал за динамикой поддержки таких проектов на этом сайте. При прочих равных Украина далеко не на первом месте в американской внутренней политической повестке. У них свои проблемы. До сих пор идут дела о штурме Капитолия, борьбе с ковидом. Внешняя политика совсем не на первом месте. Интерес повышается на фоне выборов, а потом снижается.

— В продолжение темы незыблемости права собственности как оценить, например, случай с Романом Абрамовичем, которого фактически заставили продать клуб «Челси», а деньги направить чуть ли

не на помощь Украине? Не нарушение ли это права собственности и свободы распоряжения ею?

— Здесь вопрос сложный. Санкции не запрещают личное общение, но заплатить вместо подсанкционного лица за кофе я уже не могу, это нарушение режима санкций, — так как он получит финансово-экономическое благо, т.е. мое право распоряжаться своими средствами уже ограничено. Продолжать экономические отношения с таким лицом можно, только получив специальную лицензию. Роман Абрамович попал под санкции в личном качестве, значит, и на актив, которым он владеет, распространяются ограничения. Работает это так: компания (клуб «Челси»), долей в которой владел Абрамович, получила генеральную лицензию, согласно которой было запрещено лично в адрес Абрамовича передавать какие-то средства, а вести обычную деятельность, осуществлять расчеты было разрешено. Правительство, скорее всего, прислало письмо на имя компании с условиями, что Абрамович продает свою долю за такую-то цену, правительство находит четырех покупателей, из которых необходимо выбрать сторону для сделки. В отношении заявления господина Абрамовича о том, что полученные от продажи клуба деньги он отдаст на благотворительность, — думаю, он сделал это по собственной инициативе, но под психологическим давлением ситуации в целом.

Очень интересно организовано совершение таких сделок. В Великобритании есть служба по осуществлению финансовых санкций в структуре Минфина, которая дает разрешение на сделку. Правительство открывает специальный счет для зачисления денежных средств. Сейчас юристы «Челси» с одной стороны и служащие этого органа власти с другой стороны ведут переговоры и согласовывают условия продажи. У нас с государственным органом невозможно договариваться, а у них можно. В итоге покупатель, минуя счета продавца, перечислит на указанный правительством счет средства в оплату приобретаемой доли.

— За что, собственно, наши олигархи попадают под санкции? Считается, что они могут оказать влияние на политический режим? Это похоже на шантаж, осуществляемый государством. Нормально ли это?

— У нас часто смешивают два института: классической юридической ответственности, у которой свой

инструментарий, и институт санкций. Проблема в том, что в этой области права у нас не было должных доктринальных наработок, очень мало теории. Институт односторонних санкций совсем не разработан. А здесь свои стандарты, иногда они могут совпадать с институтом юридической ответственности и применяться в качестве наказания. Санкции не имеют цели наказать. В частности, есть судебные решения в США и ЕС, в которых разъясняется, что суть ограничительных мер и санкций не в наказании: это инструмент политики безопасности, публично-правовая материя. Как говорит Суд ЕС, у каждого режима санкций есть цель, и если включение определенного лица в санкционный список способствует достижению этой цели, то нахождение данного лица в нем правомерно; а если не способствует или при введении санкций много нарушений прав человека и орган, вводивший санкции, недостаточно обосновал их необходимость, то суд исключает соответствующее лицо из санкционного списка. В санкциях есть такое понятие, как критерии, на основании которых лицо может быть помещено под санкции. Например, в отношении господина Авена было указано два критерия: близость к Президенту России и находящиеся в его собственности компании, значительно пополняющие бюджет Российской Федерации, который Правительство РФ тратит на спецоперацию против Украины. Соответственно, Совет ЕС сформировал эти два критерия. Если подчиненные Совету ЕС исполнительные органы хотят поместить под санкции некоего олигарха, то они должны доказать наличие этих двух критериев. Например, по первому критерию информация собирается в Интернете, из открытых источников берутся фотографии, статьи, подтверждения присутствия на официальных мероприятиях, факты вручения наград. В отношении второго критерия у аналитиков возникнет определенная проблема. В октябре 2015 года белорусский олигарх Юрий Чиж снял санкции с себя и со всех своих компаний, которым вменяли материальную поддержку режима А. Лукашенко. Суд сказал, что второй критерий требует именно специальной материальной поддержки режима, а уплата налогов — это законная обязанность, которую все должны исполнять. Доказательства, что эти компании поддерживают режим в обход установленной законом процедуры, представлены не были. В нашем случае будет то же самое. Есть риск, что по данной причине этот санкционный список не устоит.

— Много ли у нас санкционных юристов, которые специализируются в этом направлении? Какие вопросы перед ними чаще всего ставят?

— Первоначально санкциями занимались юристы-инхаусы компаний, для американских и западных акционеров которых необходимо было управление этими рисками, чтобы материнскую компанию, зарегистрированную в США, не привлекли в США к ответственности. В 2014 году санкционный комплаенс начал появляться во всех банках России. К концу 2014 года не было ни одного банка, который бы не проверял клиентов на присутствие в санкционных списках. Да, все банки хотят автоматизировать на 100% санкционный комплаенс, но это нереально. Например, вы проверяете ООО «Ромашка», его учредитель не под санкциями, а вот бенефициар под санкциями, — в автоматическом режиме это не проверить. Обычно проверка проводится в четыре руки: на уровне рядового менеджера и руководителя. Сейчас уже почти в каждой юридической фирме есть практика по санкционному праву, но фирмы, которые давно работают с санкциями, можно по пальцам пересчитать. Я санкциями занимаюсь с конца 2014 года, мне это нравится, я отслеживаю каждое расширение списков, каждое судебное решение США, ЕС, ино-

гда попадают дела других юрисдикций. Юристы, которые давно занимаются этими вопросами, могут прогнозировать развитие событий, вырабатывается профессиональная интуиция, — и они могут предложить грамотные варианты решений, чтобы и режим санкций не нарушить, и законодательство России соблюсти. Вы же знаете о законопроекте о введении ответственности за соблюдение западных санкций, который сейчас рассматривается в Государственной Думе. К счастью, он не движется, к нему слишком много вопросов, при его принятии в предлагаемой редакции возникнет много дополнительных рисков для российского бизнеса. Очевидно, следует ожидать введения и новых блокирующих санкций по Указу № 252.

— А уже существует какое-то пособие, учебник по санкционному праву? Есть ли смысл его сейчас писать?

— В марте этого года я планировал издать сборник, в котором были бы объединены теоретические статьи разных авторов по санкциям. Мы его обязательно издадим — планируем в этом году. Материала все больше, так что рано или поздно появятся и учебники.